

МАРЕВО

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

"Русскій вѣстникъ", 1864. Том 49. No 1

<http://az.lib.ru>[OCR Бычков М. Н.](#)

Часть первая.

ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ.

I. Тишь да гладь.

Будто въ панорамѣ стелется волнообразная, зеленая равнина, мѣстами прорѣзанная полосами чернозема, со всѣми пригорками, рощами, водой и осѣвшими по ней хуторками. Приземистыя, бѣлыя хатки съ соломенными крышами выглядываютъ изъ темной зелени вишневыхъ садовъ; желтые скирды пестрѣютъ за плетнями; яры каймятъ берега прудовъ съ нависшими ветлами и очеретомъ: {Камышъ.} кое-гдѣ за околицей одиноко торчитъ вѣтрякъ; {Вѣтрена мельница.} а тамъ опять пошла разнотѣнная зелень овса, пшеницы, жита и проса, колыхаясь отъ вѣтра и переливаясь на солнцѣ до слѣдующаго хутора. И тянется безконечная степь, далеко уходя изъ глазъ, теряя всякую перспективу въ прозрачномъ, струящемся воздухѣ. Ясное, синее небо охватило кругозоръ и такъ низко приникло по краямъ, будто хочетъ закрыть этотъ тихій уголокъ отъ дурнаго глаза...

По степи ѣхалъ видный молодой человѣкъ, любясь вечернею картавой. Полевая стежка слегка пылилась подъ дробными шажками малорослой лошаденки, и косые лучи солнца бросали длинный до уродливости силуэтъ ихъ по скошенной травѣ. Путникъ почти не правилъ лошадыю; онъ какъ-то лѣнливо протянулъ ноги на рогульки бѣговыхъ дрожекъ и самъ мѣшковато согнулся. Вѣтеръ относилъ назадъ изъ-подъ кожаной фуражки русые волосы; на румянномъ лицѣ такъ и сквозило, что окрестные виды не успѣли еще приглядѣться этимъ сѣрымъ глазамъ, весело перебѣгавшимъ съ одного предмета на другой. Подѣхавъ къ хутору, онъ стадъ погонять коня; спустился съ покатаго берега пруда на хворостяную гать, распугавъ и столкнувъ въ воду крикливую семью утокъ, миновалъ два ряда хатъ и плетней, сопровождаемый неистовымъ лаемъ кудлатыхъ псовъ и криками мальчишекъ, засѣдавшихъ верхомъ на плетнѣ, и остановился у калитки панскаго двора.

Панскій домъ, впрочемъ, лишь съ большою натяжкой могъ удержать за собой такое громкое имя. Правда, это было длинное строеніе съ двумя выступавшими крыльцами по бокамъ и низенькою террасой межъ нихъ, уставленною цвѣтами въ горшкахъ, но тѣмъ и ограничивались его претензіи на барство; кругомъ обильно произрасталъ клоповникъ, употребляющійся на вѣнчики; маленькія окна подслѣповато глядѣли на террасу; деревянныя стѣны каждый праздникъ бѣлилась крейдою {Мѣль.}; а высокая, соломенная крыша сообщала ему до того сельскую фізіономію, что съ приходской колокольни домъ казался прошлогоднимъ стогомъ сѣва. На террасѣ сидѣли всѣ владѣльцы хуторка, пользуясь вечернею прохладой. Анна Михайловна Горобецъ, толстая барынька, лѣтъ сорока пяти, съ полнымъ безцвѣтнымъ лицомъ, одѣляла чаемъ семью. Сынъ ея, Авениръ Николаевичъ, глядѣлъ англійскимъ юношей хорошаго тона; на его худощавое лицо набѣгали рѣденькіе свѣтлые волосы, пестрый лѣтній пиджакъ свободно охватывалъ его жиденькую фигурку, комфортабельно развалившуюся у кресла сестры. Подлѣ хорошенькой Юленьки вертѣлся молодой сосѣдь-помѣщикъ, и что-то съ жаромъ ей рассказывалъ. Юленька, улыбалась всѣмъ розовенькимъ личикомъ, выставляя два ряда крошечныхъ бѣленькихъ зубковъ, шумѣла голубымъ шелковымъ платьемъ, поправляла каштановые волосы. Съ своей стороны, помѣщикъ, повидимому, имѣлъ самага разрушительнаго свойства намѣренія насчетъ ея сердечка. Не безъ умысла принарядился онъ въ одноцвѣтную лѣтнюю пару *planche*, и такъ лихо закрутилъ усы и эспаньолку....

-- Владиміръ Иванычъ! радостно крикнула хозяйка: -- я думаю, что это словно кого-то не достаетъ, а оно вонъ кого... Да, идите скорѣе! Экой увалень!